

Л.В. Куркина

ЕЩЕ РАЗ К ЭТИМОЛОГИИ РУС. РАМЕНЬЕ

Это слово, распространенное преимущественно на территории севернорусских говоров, характеризуется широким кругом значений, весьма разнообразных и, на первый взгляд, далеко отстоящих друг от друга. Через всю семантику проходят как основные значения 'граница, край', 'край, опушка леса', 'полоса пашни на границе с лесом', 'свободное от леса, но окруженное лесом пространство', 'лес'. Представленность слова, его семантика в диалектах и исторических источниках хорошо изучены¹, что освобождает нас от необходимости подробного описания материала. Остановимся лишь на аспектах, существенных для понимания генетических истоков слова. В Картотеке "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" слова *раменик*, *рамень* зафиксированы в первой половине XIV в. в Духовной грамоте Ив. Калиты (1327–1328): дѣбиково *раменье* данилищова свобод... лна. гуслица. *рамень* что было за княгинею... Контекст позволяет лишь в самом общем виде связать эти слова с обозначением сельскохозяйственного угодья. В словаре И.И. Срезневского в примерах, датируемых второй половиной XV в., *раменье* определяется как 'лес по краю пашни': От болота поперег *раменья* къ другому болоту (Дух. Алекс. Белеут. 1472), Сосна на дороге промежь березника и *рамения*. На уголь Гридина мху, да на *раменье* на пихтовое (Разъезж. 1555 г. – Срезневский III, 65). По наблюдениям Ю.И. Чайкиной, слово *раменье* с начала XV в. отмечено в документах центральной полосы (в переяславских, ярославских, звенигородских, московских грамотах), в белозерских деловых документах (XVI в.) в значении 'лес', 'участок (хвойного) леса', 'пашня, заросшая лесом', 'заросшая лесом подсека'. Наиболее активно употребляется *раменье* в документах, написанных в северо-восточных и восточных районах Московского государства XVII в. (в важских, вятских, нижегородских и арзамасских источниках), в памятниках северо-западных уездов Московского государства XVI–XVII вв. эта лексема не отмечена². С XVII в. *Раменье* выступает в названиях деревень, пустошей, урочищ (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 267–268), с этой основой отмечены также названия многих станов и волостей центральных уездов Московского государства: стан *Раменский*, волость *Раменка*, *Раменица*, *Раменское*, село *Раменки* в Зарайском у. Рязанской губ.³ На всей севернорусской территории (арх., твер., ярослав., новгор., влад., ряз., пск., моск., костр.) находим названия деревень *Белая Рамень*, *Раменец*, *Раменка*, *Раменки*, *Рамень*, *Рамены*, *Рамена*, *Раменское*, *Подраменево*, *Подраменье*, *Подрамки*, *Обраменская* (Russ. geogr. Namenbuch I, 381; VI, 329, VII, 566).

Историческую преемственность сохраняют современные диалекты северного ареала, где это слово характеризуется таким же широким спектром значений: ср. *зарáменье*, *ра́мень*, *ра́менье* 'лес, соседний с полями, с пашней', костр., ряз. *рамень*, *ра́менье* 'смешанный лес (черноле-

сье, ель, пихта, липа, береза, осина)’, костр., перм., вят., влад. ‘густой, дремучий, темный лес’, ряз. *рамена, раменя, рамень, раменье* ‘низкое, иногда заболоченное место, где растет густой смешанный лес или кустарник’, *раменный, раменский* ‘низменный, поросший смешанным лесом (или кустарником)’ (Деулинский словарь 482–483). Материалы недавно опубликованного “Новгородского областного словаря” заставляют пересмотреть бытующее в науке положение об исключительно редкой фиксации слова *рамень* на территории новгородских говоров⁴. Напротив, материалы показывают, что это слово в разных своих вариантах широко представлено на новгородской земле: ср. *рамень* ‘лес на краю пашни’, ‘лес’, ‘участок земли среди леса’, ‘яма с водой в болоте’, *рамна* ‘окраина чего-л.’, *раменка* ‘край леса; опушка леса’, ‘остров или полоса однородного леса’, *рамень* ‘поле, граничащее с лесом’, ‘пашня среди леса’, ‘высокое ровное место’, ‘опушка леса, граница леса и поля’ (ср. *На рамени земляника поспела; Рамень, так опушку леса, полянку называют*), ‘лес на краю пашни’, ‘лес; смешанный лес; глухое место с лесом; еловый лес’, ‘болото, поросшее лесом’, ‘заболоченный луг’, *зрамень* ‘полоса, место за лесом’, микротоп. *Рамень, Раменье*, сенокосное угодье (Новг. словарь 3, 66; 9, 97–98). Диалектные словари, опубликованные в последние десятилетия, дают сведения о распространении слова на территории позднего заселения выходцами из русских областей: сиб. *рамень* ‘молодая поросль деревьев’ (Новосиб. словарь 460), урал. *рамень, раменье, раменьё, раменьё, раменья, раменья* ‘густой, дремучий лес’, *рамка* ‘просека в лесу’ (Сл. Сред. Урала V, 58). На остальной восточнославянской территории только в белорусских говорах отмечено *рамень* в значении ‘большой болотный лес’ (Яшкін 163).

Этимологическое изучение слова имеет длительную историю. На начальном этапе поиски велись на основе сближения с близкими по звучанию индоевропейскими словами. При неразработанности семантики сближения во многом носили случайный характер, поэтому не получили признания сравнение рус. *рамень* с греч. *ράμιος* ‘ветвь с листьями и плодами’⁵, которое, как показали последующие исследования, находится в родстве со ст.-слав. *вьрва* (Hofmann 294), а также сопоставление с ср.-в.-нем. *rām, rāme* ‘цель’⁶ или англосакс. *wrōt* ‘хобот, нос, рыло’, др.-исл. *rōt* ‘корень’ (<*erōd-? ‘расти’), др.-греч. *ράδαμος* ‘побег’⁷, которые далее сближаются с лат. *rādix* ‘корень’, *rāmus* ‘ветвь’ (Walde–Hofmann II, 415). М. Фасмер признает неуверенными все известные этимологические версии и предположительно допускает сближение с *рамянный* ‘сильный’ (Фасмер III, 440), но не приводит аргументов в пользу предполагаемой связи. В.И. Даль относит *рамень* к гнезду *рамо, рамена* ‘плечо, уступ по шеи, округлый спуск и часть руки до локтя’ (Даль³ III, 1586–1587), т.е. название леса, поля по форме, очертаниям местности, но с таким сближением трудно согласиться по той причине, что в семантике слова *рамень* не содержится подобная характеристика объекта. Совершенно очевидно, что предлагаемые решения базировались на не-

ясном понимании семантических связей, за исходные принимаются значения явно вторичные, производные.

Принципиально новый подход к истолкованию слова *рамень* выдвинул К. Буга. Он, видимо, первым обратил внимание на словообразовательную и семантическую близость рус. *рамень* и лит. *armiõ*, род. п. *armeĩs* 'пахотный слой земли', *ármens* pl. t. 'пахотьба', *armenà* 'пахотьба', *armenà* 'подпочва', производных от гл. *árti* 'пахать' (Būga II, 530). Собственно по тому же пути пошел Ю.В. Откупщиков, толкуя рус. *рамень* как древнее отглагольное образование с суф. *-men-* от основы гл. **orati*, родственное лит. *armiõ* 'пашня', лат. *armen-tum* 'рабочий скот (используемый для работы на пашне)'. Отношение *рамень*: *орати* аналогично отношению лит. *árti*: *armiõ*, греч. ἀρόω: ἄρμα. Устанавливая связь с такими словами, как *ра-май*, *ра-ло*, *орати*, Ю.В. Откупщиков вносит уточнения в определение исходного значения: *рамень* не просто 'лес', а 'лес по соседству с пашней', причем пашня, поле не обычные, а возникшие путем расчистки, корчевания и сжигания леса. В семантических сдвигах слова он видит "наглядное отражение подсечной системы земледелия"⁸, такой вывод подтверждается семантикой русских диалектизмов: ср. волог. *рамень* 'подсека в лесу', 'деревня, селение под лесом', урал. *ра́мка* 'просека в лесу', *Рамень*, название дер. На этом основании наиболее вероятным признается исходное значение 'пашня' с последующим изменением в направлении 'пашня' > 'пашня, заросшая лесом' > 'лес на заброшенной пашне' > 'лес'.

Особо стоит вопрос об отношении рус. *рамень* и *рама*. В словаре И.И. Срезневского отмечено *рама* с предполагаемым значением 'вязь, обвязка, рама?': Единому человекѹ на плеча вставягъ *раму*, а онъ рущѣ распростретъ аки распягъ (Стеф. Новг. п. 1437 – Срезневский III, 65). Речь скорее всего идет о накладываемой на плечо повязке в виде полоски материи. В.И. Даль, а за ним и А.А. Потебня⁹, сближает *рамень* и *ра́ма* 'межа, граница', но не обсуждают характер словообразовательных отношений. Ю.В. Откупщиков считает, что *рама* может рассматриваться как позднейшая форма от *рамень*, но поскольку *рама* сохранило древнее значение 'пашня', то более вероятно, что это – древнее слово, реликт индоевропейского образования ж.р. с суф. *-men* – **ar-mōn-* 'вспаханный'. Таким образом, в интерпретации Ю.В. Откупщикова русские диалектизмы предстают как реликтовые образования, унаследованные из индоевропейской эпохи.

Приведенная этимология признается вполне убедительной и принимается всеми исследователями. Сильной стороной такого решения следует признать включение русского диалектизма, занимающего изолированное положение в словаре и лишенного славянских соответствий, в ряд регулярных словообразовательных отношений. Однако сами индоевропейские сближения далеко не бесспорны. В этимологической литературе высказывалось мнение о родстве греч. ἄρμα и лат. *argentum* с др.-исл. *ǰrtuni* 'бык, тур', слав. **arъto* (Boisacq² 79; Walde² 61). В ряду предлагаемых сопоставлений убедительным выглядит только сближе-

ние с лит. *armiõ*. Формальная близость поддерживается общей семантикой.

Принято считать, что рус. *рамень* не выходит за пределы северной части вост.-слав. ареала, для него не найдены соответствия у южных и западных славян. Однако новейшие этимологические и топонимические материалы содержат данные, которые могут быть соотнесены с русским диалектизмом. Так, Ф. Безлай сближает рус. *рама* 'граница' и словен. *ramica* в значении 'пошлина за товар, перевозимый через границу', к этому же ряду он относит топ. *Rameše < Ramnišče, Stara Ramena, Ramenca*. В середине прошлого века *ramica* отмечено в значении 'посека в лесу' (Bezljaj III, 149; Bezljaj. Eseji 139)¹⁰. На сербской территории в той же форме известно название поселения *Рамнице*¹¹. Для других топонимов с основой *ram-n-*, упомянутых в статье Ф. Безлая, – *Ramnice, Ramnište, Ramno, Ramново, Ramñak, Ramñi* – остается открытой возможность родства с **ramę, -ene < *ormę* 'плечо' или **orv-* (RJA XIII, 38). Э. Айхлер обратил внимание на близость рус. *рамень* и топонимов, засвидетельствованных на лужицкой территории: ср. название деревни *Rammenau*, луж. **Ramnow < *Ramenov*¹², а также чеш. *Ramena* (Profous III, 538), но для последнего более вероятно связь с **ramę, -ene *ormę* (ср. польск. *ramię* 'горный отрог', болг. *рама* 'часть горы между вершиной и подножием', чеш. *rameno řeky* 'рукав реки')¹³.

Уточнений требует и реконструкция исходного значения. В отличие от литовского *armiõ* русский диалектизм утратил мотивирующие связи с гл. **orati*, и принимаемое за основу значение 'пашня' не покрывает всей семантики русского слова. Семантика русского слова шире: весь спектр характеризующих его значений не сводим к реконструируемому для него значению 'пашня'. При рассмотрении русского материала оказывается неучтенным ряд значений, который, на наш взгляд, позволяет с иных позиций подойти к определению исходного значения. Во всех приведенных выше примерах *рамень* не просто пашня, а пашня на границе с лесом или лес на краю пашни: ср. у В.И. Даля рус. стар. *рама* 'межа, граница, обвод, обход участка земли, по владенью', *рама, обрамень* 'край, предел, конец пашни, которая упирается в лес, либо расчищена среди леса' (север., вост.), в новгородских говорах *рамень* 'граница леса и поля', *рамна* 'окраина чего-либо' (ср. Моя изба на самой *рамне* стоит), *зарамень* 'все, находящееся рядом с межей, границей чьих-либо владений' (Новг. словарь 3, 66; СРНГ 10, 378). По наблюдениям В.И. Даля, "в Калужской губ. лес нередко зовется *краем*, т.е. закраиной поля, *раменем*, а *край* и *рама* одно и то же". Как видим, в семантическую характеристику слова в качестве основного и определяющего входит признак 'край, граница'. Другую важную составляющую семантики слова *рамень* составляет значение 'полоса': ср. казан., новг. *раменка* 'остров, клин, полоса однородного леса' (ср. новг. *Лес не мешаный, а все раменками*), новг. *зарамень* 'полоса, место за лесом'. Как видим, реально-семантический контекст говорит о вторичности значения 'пашня' в восточнославянском ареале. В семантической истории слова, оставив-

шей по себе след в русских диалектах, ключевая роль принадлежит значениям 'край, граница' и 'полоса', которые, на наш взгляд, и относились к ранней ступени семантической эволюции. А это означает, что значение 'пашня', принимаемое этимологами за исходное, завершает собой цепь семантических преобразований. Вероятно, изменения семантики шло в направлении 'пограничная полоса' > 'пашня на границе с лесом' > 'лес на краю пашни' > 'лес' и 'пашня'. Из этого следует, что в случае родства балтийское и вост.-слав. слова входят, вероятно, в разные ряды семантических преобразований. Как видим, многие вопросы, связанные с происхождением и семантическим развитием слова, еще ждут своего объяснения.

Характеристика *рамень* будет неполной без учета культурологического аспекта. Как сказано выше, рус. *рамень* принадлежит к терминологии ранней формы земледелия, которая характеризуется применением огня и подсеки. С переходом к пахотному земледелию преемственность с подсекой выражались в том, что термины архаичной культуры переосмыслились, включались в терминологию более развитой формы земледелия, поэтому важно выявить изначальный смысл, определить, с каким видом подготовительных работ связан изучаемый термин. Подсечно-огневое земледелие, практиковавшееся в лесных глухих районах России еще в начале XX столетия, обслуживала очень богатая, хорошо разработанная, дифференцированная терминология. Границы терминов были подвижны, и название, первоначально напрямую связанное с каким-то определенным способом расчистки лесного участка, со временем становится общим обозначением подсеки. Для системы терминов раннего земледелия характерно переосмысление названий, утрата изначальной связи с мотивирующим признаком, определяющим название того или иного вида земледельческих работ¹⁴. Существовавший на протяжении многих веков этот тип хозяйственной деятельности во многом определил формирование существенных понятий, с позиций земледельца выделялись и оценивались жизненно важные стороны окружающего мира. В системе пространственных представлений раннего земледелия весьма существенно понятие *границы*. Леса покрывали пространство значительно большее, чем теперь. Далеко не все лесные территории были одинаково пригодны для хозяйственного использования. При подсеке действовало право первого захвата лесного участка, предназначенного для обработки под посев. И это право не нарушалось. Земля могла перейти к другому только после того, как первый ее забросит, но не раньше¹⁵. Граница, отделявшая "свое" от "чужого" обозначалась разными способами: подрубались ветки, делались затесы, зарубки на деревьях, ставились столбы и т.п.: ср. рус. диал. *засека* 'знаки, пометки на деревьях', *затесь*, *затёсок*, *заруба* 'зарубка на растущем дереве, метка', *рубеш* 'затесы и метки на пнях и деревьях', болг. *грань* 'ветка' и рус. диал. *грань* 'граница' и т.п. (ЭССЯ 7, 104–105)¹⁶. Внутренняя среда обитания, осваиваемая земледельцем, отделялась от внешнего мира, окружающего леса свободным пространством в виде узкой полосы. Границей

был край поля, первая проведенная борозда, полоса нераспаханной земли: ср. рус. диал. *мэжень* ‘знак, отметка’, ‘граница, межа’ и ‘полоса земли’, ‘полоска нераспаханной земли’, *заор* ‘первая борозда в поле’, ‘окраина поля, пашни’, ‘межа, граница участка земли’, ‘не используемое под пахоту пространство вокруг огорода’ (Новг. словарь 5, 79; 3, 54–55). Одно из названий пограничной полосы связано с гл. **čьrtiti* (< *(*s*)ker- ‘резать’): ср. рус. *черта́* ‘узкая полоса, линия’, ‘рубеж, граница, предел’ и словен. *črt* ‘раскорчеванное место’ и ‘межа между двумя пашнями в горах’ (Pleteršnik 1, 114; ЭССЯ 4, 161, 164). Судя по всему, рус. *рамень* первоначально обозначало полоску необработанной земли, отделяющей лес от возделываемого поля. Название пограничной полосы со временем переносится на лес, поле, пашню и т.п.: ср. рус. *рубеж* ‘граница’ и блр. диал. *рубэж* ‘поле, поле на границе с другим полем; поле и лес’¹⁷, нем. *Mark* ‘граница, рубеж’ и др.-норв. *mørk* ‘лес’¹⁸. В плане семантических отношений показательны слав. **mědja* ‘межа, граница двух участков земли’ и др.-прусс. *median* ‘лес’, лит. *mėdis* ‘дерево’, диал. (вост.-лит.) *mėdžias* ‘лес’, лтш. *mežs* ‘лес, роща’ (ЭССЯ 18, 46). Раннее значение ‘средний, промежуточный’, подтверждаемое индоевропейскими соответствиями (ср. лат. *medius* ‘средний’, др.-инд. *mádhyā-* то же, гот. *midjis* ‘срединный’ и т.д.), стало отправной точкой для развития значения ‘граница’ в славянском ареале и ‘поросль, кустарник на меже’ > ‘лес’ в балтийских языках (ЭССЯ 18, 46).

Все сказанное позволяет внести уточнения в семантическую реконструкцию, предложенную К. Бугой и разработанную Ю.В. Откупщиковым. Признавая производность рус. *рамень* от гл. **orati*, необходимо иметь в виду, что этот глагол, как и его индоевропейские соответствия, последовательно связываются с плужным земледелием: ср. лит. *arėti* ‘пахать’, лтш. *arēt* то же, греч. *ἀροῦν* то же и т.п. Как писал Д. Зеленин, глагол **orati* восходит к такой древности, когда плужного земледелия в собственном смысле не было¹⁹. В.Н. Топоров отмечает, что оформление технического термина **arə-* ‘пахать’ и соответствующего орудия (плуг) могло относиться к сравнительно позднему времени (ср. лит. *ārklas* ‘соха’), поэтому он допускает возможность сближения слав. **orati* с хетт. *ḫarra-* ‘раздроблять’, ‘крошить’, ‘размалывать’ при *harš-* ‘пахать’ (Топоров. Прус. яз.: А–D 107). Древнее орудие – однозубое рало – восходит к простейшему орудью эпохи собирательства в виде ствола дерева с отходящими от него отростками или загнутым корнем. Орудия этого типа, по замечанию Д. Зеленина, не режут почву, а только “рвут” или “колют” ее своим напором, выбитая из борозды земля валится по обе стороны от орудия, которое землю “черкает”, “царапает”, “цапает”²⁰. Семантическая предыстория гл. *орать* находит отражение в севернорусских диалектах: ср. арх. *орáться* ‘копаться в чем-л.’, твер. *орáть* ‘боронить’, волог. ‘рыть, разрывать землю’, арх. ‘разрушать, разламывать’. Земледелие развивалось неравномерно. Техника плужного земледелия пришла с юга. На севере Восточной Европы пахотное земледелие повсеместно утвердилось лишь в начале XX в. Диал. *рамень* несет

в себе следы архаичной семантики гл. **orati*. Очень показателен тот факт, что *ременье*, как и гл. *орать* в архаичном значении, засвидетельствованы в одном и том же ареале – на севере Восточной Европы, где еще в первые десятилетия нашего столетия существовала архаичная форма земледелия.

Основываясь на выявляемых семантических отношениях на глубинном уровне, опираясь на общие правила морфонологических преобразований, можно несколько расширить внутриславянский контекст и поставить вопрос о возможной связи рус. *ремень* со словом, которое также занимает изолированное положение в словаре и лишено очевидных родственных связей. Мы имеем в виду рус. *ремень*, которое, как известно, не имеет общепринятой этимологии. По фонетическим причинам отвергается идея заимствования из герм.: ср. др.-в.-нем. *riumo*, ср.-в.-нем. *riemen logum* (Miklosich 275; Brückner 475), в противном случае ожидалось бы **rjumentь*. Многими исследователями признается наиболее вероятным родство славянского слова с первоначальным значением ‘ремень ярма’ с др.-в.-нем. *riumo*, слав. **arьmo*, греч. ἀραρίσκω ‘соединяю’, ἀρμός ‘связь, сустав’, ἄρμα ‘колесница, повозка’, лат. *arma* ‘доспехи, утварь, оружие’, *armentum* ‘крупный рогатый скот’ < и.-е. **ar-* ‘соединять, связывать’ (Pokorny I, 58; Фасмер III, 468; Skok III, 127; Sławski, Zarys I, 125). X. Педерсен²¹ видит в словен. *jermeň* ‘ремень’ подтверждение реконструкции формы с начальным **a-*, но скорее всего эта форма вторична, она возникла из *re̋men* по метатезе с развитием протетического гласного (Bezlej I, 228).

Согласно другой версии, славянское слово родственно греч. ῥῆμα ‘тетива’, ἔρῳω ‘стянуть’ (ср. Machek² 530; Bezlej I, 228). Представленные во всех славянских языках образования на *-укъ* (ср. ст.-слав. *рѣмыкъ*) сложились на базе **remъ*, вторичного деривата, образованного в отдельных славянских языках по типу **kamъ*, **polmъ* и т.п. (Sławski, Zarys I, 125), поэтому формы на *-укъ* не могут быть приняты во внимание при реконструкции исходной основы. Большой разброс мнений относительно происхождения и исходной формы слова можно объяснить неполнотой знаний о семантике и функционировании слова в славянских языках.

При решении генетических вопросов особое значение приобретает семантический аспект. Как показывает изучение материала, рассматриваемое слово распространяется на более широкий круг реалий, чем принято думать. Словом *ремень* обозначаются не только длинные узкие полоски выделанной кожи. Уже со второй половины XIV в. находим это слово в значении ‘полоса (кожи) вдоль спины животного, отличающаяся своей окраской’: съдраша с него три *ремени* по хрѣбту; много *ремению* на немъ съдрану (Прол. 1383 г. – Картотека СДР; Там. кн. южн. 99. 1619 г.; Там. кн. Тихв. м. N 1347, 57 – СлРЯ XI–XVII в. 22, 142). В диалектах отмечено сочетание *ремень на лошади* в значении ‘черная, темная полоса по хребту’. Отмечены и случаи употребления *ремень* в более общем значении – ‘длинная, узкая полоска, тесьма, лента’ (Даль³ III,

1675). Заслуживает особого внимания связь этого названия с земледелием: ср. *ремень* 'вал перевернутой при вспашке земли, но не разрыхленный'²², в новгородских говорах – 'полоса вспаханной земли, борозда', 'полоса с лесом', 'полоса пашни', 'нескошенное место среди лугов, пашни' (Новг. словарь 9, 134). Многочисленны микротопонимы с этой основой: *Ремёнъ*, болото около дер. Петрово, *Лесной Ремёнъ*, место с лесом, *Ремни́*, поле, граничащее с лесом у дер. Гамзино (Новг. словарь 9, 134–135; Russ. geogr. Namenbuch VIII, 566, 567). В болгаро-македонских говорах находим уменьшительное образование в значении 'полоска': ср. *ремичка* 'длинное узкое поле'²³, *ремче нива* 'полоска поля'²⁴. Кроме того, в родопских говорах слова *рэмен*, *рэмене*, *рэмен* отмечены еще в значении 'хорошо выделанные жерди из сосны, предназначенные для ограды'²⁵. Примечательно, что сходный переход названия леса определенного вида и качества на название материала, получаемого из этого леса, наблюдается и у слова *рамень*, которое у промышленников обозначает обыкновенное строевое дерево толщиной от 5 до 8 вершков в отрубе и длиной от 5 до 7 сажень (Даль³ III, 1587)²⁶, с ним, вероятно, связано блр. диал. *рамень-раменем* 'про студень, который плохо застыл' (Шаталава 151).

Как видим, наблюдается большая близость семантики слов *рамень* и *ремень*: оба слова соотносятся с денотатом, который может быть определен как 'полоса (содранная, прочерченная)', при этом наблюдается однотипность семантических изменений.

В дальнейшем продвижении вглубь помогают намеченное в словаре В.И. Даля сближение слова *ремень* с рядом однокоренных слов с общим значением 'тряпье, рваная одежда', а именно *ремóк*, *рямóк*, север.-вост. *рё(о)мух*, *ре(о)муха*, вят. *ремошйна*, *ремушка*, *ремуга* волог., вят. 'лоскут, тряпица, ветошка, лохмотье, обноски, рваная одежда, рубище'. *ремель* 'тряпье суконное либо понитковое', *ремкбвий*, *ремóчный*, *ремошйнный*, *ремушнный* 'к лохмотью, тряпью, ветоши относящийся', *ремковатый* 'мохроватый, оборванный, истрепанный, рваный' (Даль³ III, 1676), *ремóк* 'старая рваная одежда', *ремóк на ремке* 'очень рваный', *ремóчник* 'оборванец' (Словарь Оби. Дополнения II, 158), *ремóк*, чаще во мн. ч. *ремки́*, *ремель*, *ремель* 'узкая полоска из старой одежды, идущая на тканые половики', 'старая рваная одежда', 'тряпка для мытья посуды, пола и т.д.' (Сл. Сред. Урала V, 74), *ремкой сделать* 'уничтожить до основания' (Прошла буря, сломала лес, или дождь, всё *ремкой* сделало – Новг. словарь 9, 135). К производным с основой *рем-* могут быть отнесены рус. диал. *обрёмкаться*, *обремкаться* 'обтрепаться, износиться, разорваться' (новосиб., тюмен., арх.), *обремшить* 'изорвать' (арх.) (СРНГ 22, 203), в кировских говорах записано *подолы у платья оремкились* 'оборвались, обносились'²⁷. Немало производных с разными суффиксами: *ремота́*, *ремужина*, *ремуха* 'старая рваная одежда', *ремóжный*, *ремужный* 'изношенный, рваный (об одежде)', 'сшитой из лоскутов', 'оборванный (о человеке)' (Сл. Сред. Урала V, 74), *ремошйна*, *ремóшка*, *ремуга* 'старая, изношенная одежда, тряпки, лохмотья' (Красно-

ярский словарь² 325), *ремзѧ, ремѡжье, ремузіна*, собир. *ремѡзье* со значением 'рвань', 'рваная одежда' (Новг. словарь 9, 134–135), *ремежінки, ремкотѧ, ремѡжки* 'рвань, обноски, тряпье', 'лохмотья', 'любая одежда', 'пожитки', *ремызня* пренебр. 'ненужные, вышедшие из употребления вещи, предметы обихода' (Новосиб. словарь 468), вероятно, к образованиям этого типа примыкает гл. *обремѡзить* 'изорвать, износить (одежду)' (СРНГ 22, 203), *отремѡзье* собир. 'отрепье, рвань, старье' (Ряз. Мещера – СРНГ 24, 293). На белорусской территории в соответствии с *рэмень* = *рамень* 'ремень' отмечены производные *раму́лле* соб. 'старые вещи, предметы' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 4, 268), *рѣмузініна* 'узкая полоса материи' (Народная словатворчасць 163). С представленным в словаре Гринченко *рамінь* = *ремінь*, вероятно, соотносятся *рама, рамик* в значении 'зарубка', *рамкастый* 'с зарубками', *рам'я* 'рубище' (Гринченко IV, 5).

Все данные говорят о том, что название узкой полоски кожи, ткани, земли и т.п. мотивировано глагольной семантикой 'рвать, содрать'. Напомним, что в старых текстах речь идет о полоске кожи, содранной со спины животного. В повседневной жизни полоска кожи, ткани могли использоваться для соединения, скрепления каких-то предметов, но это только одна из функций, выполняемых реалией. Существенна соотношение названия с полоской поля, полосой вспаханной земли в русских и болгарских диалектах. Как видим, отнесение славянских слов к гнезду и.-е. **ar-* 'связывать, соединять' базируется на вторичном функциональном использовании реалии. Конкретный материал показывает, что слова *рамень* и *ремень* имеют общую исходную семантическую базу 'рвать, драть, трепать'. Выявляемые два ряда значений 'царапать, рвать, драть' > 'прочерченная, процарапанная полоса' > 'край, граница' > 'край леса, пашни' и 'рвать, драть, трепать' > 'нечто содранное' > 'полоса кожи' > 'узкая полоса' углубляют общий семантический контекст и позволяют с несколько иных позиций подойти к характеристике исходных отношений.

Семантическое сходство, формальная близость позволяет поставить вопрос о генетическом тождестве морфонологических вариантов **er-* / **or-* с древним значением 'рвать, царапать'. Исходная индоевропейская основа **ora-* характеризовалась широкой, емкой семантикой, которая рано претерпела изменения и в европейских языках трансформировалась в термин плужного земледелия. В контексте выявляемых отношений вполне реальным представляется предполагаемое Шпехтом родство на глубинном индоевропейском уровне слав. **orati* и **-oriti* < и.-е. **er-*, **erǝ-* 'разделять, распарывать' (Рокорны I, 332–333). Развивая эту идею, М. Сной выводит *repen* из **ormu*, **orma* 'граница' (= 'поле или лес') < и.-е. *poten actio-nis *orH-men-*, **órH-mā*, далее – к глагольной основе **erH-*, к которой восходит слав. **oriti* 'разорить', хетт. *arḫa-* 'граница' < **érHā/o-* (Bezlej III, 149). Далее к этому же гнезду принадлежит лит. *ardyti* 'разделять', *irti* 'распасться, распарываться' и т.д. (Фасмер III, 152).

Все сказанное позволяет предположить генетическое тождество вост.-слав. **ortę*, -*тене* и слав. **er-tu*, -*ене*. В славянских языках на правах вариантов выступают суф. -*ту*, -*тене* и -*те*, -*тене* (Stawski. Zaręys 127). В плане генетических отношений существенно то, что именно в славянских производных на -*теп* сохраняется ранняя, архаичная ступень в семантической эволюции чередующихся индоевропейских основ **ar-*, **er-*, **erǵ-* 'рвать, разделять'.

Примечания

- 1 Толстой Н.И. Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, рамень*) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, С. 126–131; Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975, 37–45.
- 2 Чайкина Ю.И. Указ. соч., 37–39.
- 3 Чайкина Ю.И. Указ. соч., 39, 42; Готье Ю. Замосковский край в 17 в. М., 1937, 380, 390.
- 4 Чайкина Ю.И. Указ. соч., 41.
- 5 Matzenauer A. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno. 1870, 289.
- 6 Jagić V. Kleine Mitteilungen // AfslPh Bd. VII, 1884, 484.
- 7 Ильинский Г.А. Славянские этимологии // Изв. ОРЯС, т. XXIII, кн. I, 1918, 179–180.
- 8 Откупщиков Ю.В. О происхождении слов *рамень* и *рамень* // Вопросы общего языкознания. Л., 1965, 93; Он же. Словообразовательные модели и этимология // Этимология 1967. М., 1969, 85.
- 9 Потемня А.А. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, 30.
- 10 Безлай Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем // ВЯ 1967, 4, 53.
- 11 Божих М. Говор Ибарского Колашина. Приштина, 1998, 135.
- 12 Eichler E. und Walther H. Ortsnamenbuch der Oberlausitz. Studien zur Toponymie der Kreise Bautzen, Bischofswerda, Görlitz, Hoyerswerda, Kamenz, Löbau, Niesky, Senftenberg, Weisswasser und Zittau. I. Namenbuch // Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Sprachwissenschaftliche Kommission. Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte. Begründet von Th. Fringer und R. Fischer. Herausg. von E. Eichler, W. Fleischer, R. Grosse, A. Neubert und H. Walther. Nr. 28. Berlin, 1975, 246.
- 13 Nitsche P. Die geographische Terminologie des polnischen. Graz, 1964, 12, 196.
- 14 Куркина Л.В. К реконструкции древних форм земледелия у славян (на материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998, 381–397.
- 15 Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968, 36.
- 16 Петров В.П. Указ. соч., 36 и след.; Соловьев Е.Т. Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. Казань, 1885, 43.
- 17 Мікратапанімія Беларусі. Мінск, 1974. 212.
- 18 Tesnière L. Les noms slaves et russes de la frontière // BSL XXX, 1929, 182.
- 19 Зеленин Дм. Русская соха. Ее история и виды. Очерк по истории земледельческой культуры. Вятка, 1908, 10.

- ¹⁰ Зеленин Дм. Указ. соч., 10, 13.
¹¹ Pedersen H. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent // KZ XXXVIII, 1905, 313.
¹² Симица Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимике Пинежья). Л., 1980, 92.
¹³ Младенов Макс. Сл. Из лексиката в Кюстендилско // БД VI. С., 147.
¹⁴ Видоески Б. Зборови од Порече // МЖ II, 2, 1951, 47.
¹⁵ Речник с обяснителни бележки на някои думи и езикови форми в народните умотворения // Родопски напредек III, 1. 195, 47; Стойчев Т. Родопски речник // БД II. С., 1965. 259.
¹⁶ Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I: А–Н; т. II: О–Ө. СПб., 1845.
¹⁷ Гринкова Н.П. Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков // Уч. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 92. Л., 1953, 66.

А. Лома

ПРАСЛАВ. **XALQGA* < ДР.-ГРЕЧ. *φάλαγγ-* И СКИФСКИЙ ПЕРЕХОД *f* > *χ*

Греч. *φάλαγξ*, *-αγγος* – технический термин, широко распространившийся за рубежами греческого языка путем многократных заимствований, в разных формах и значениях, происшедших в течение многих столетий в соседних, а через их посредство – и в более отдаленных языках. Исчерпывающая история этого слова стала бы предметом обширной монографии, затрагивающей, кроме собственно грецистики, и область романистики, германистики, славистики и прочих отраслей языкознания. Такое разыскание в каждом случае выходит за рамки этой статьи, которая ставит себе более скромную цель – указать на до сих пор не замеченную возможность объяснения одного праславянского слова из того же самого древнегреческого источника. Речь идет о праслав. **xalqqa*. Трудность предполагаемого сопоставления состоит прежде всего в расхождении двух анлаутов; в последующем мы попытаемся преодолеть ее с помощью предположения о древнеиранском, точнее – скифском, посредничестве, что имело бы значительные историко-географические импликации. Сначала рассмотрим оба слова в отдельности, особенно с точки зрения их семантики.

В древнейшем литературном источнике Илиаде слово *φάλαγξ* (как правило, во множественном числе *φάλαγγες*) обозначает ‘строй в битве’. В значении ‘сомкнутый строй пехоты’, оно в классическую и потом в эллинистическую эпоху стало важнейшим термином военной тактики, который в современных языках является интернациональным историзмом. Это техническое значение – очевидно, вторичное. Схолии к Илиаде объясняют, что слово *φάλαγγες* первоначально обозначало ‘срубленный лес, брёвна (*τὰ ξύλα*)’, прибавляя, что к тому времени так